

УДК 930.85

**«ЭРА ИЛЛЮЗИЙ» ПЕРЕД ЛИЦОМ
НАУЧНОЙ ЛОГИКИ: КАРАМБОЛЬ ИВАНА ГРОЗНОГО
В ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ**

В.М. Бухарев

Аннотация

В статье проводится идея сопряжения регистра интеллектуальной истории, приёмов дискурс-аналитических версий социального конструкционизма и подходов философии критического рационализма с целью различения голоса идеологии на поле научных изысканий. Речь идёт о конструировании синтезированной – исторической, социологической, политико-правовой, социолингвистической, психоаналитической – концептуалистики при «гегемонии» исторической науки, что позволяет поддерживать критический градус в ходе продуцирования знаний, оставляя открытыми возможности переописания эмпирического материала. В качестве паттерна интердискурсивной критики идеологии рассматривается «случай» Ивана Грозного.

Великие тоже ошибаются, и ещё как. Наполеон Бонапарт, раздосадованный выступлениями некогда обласканных им А. де Тресси, К. Вольнея, Д. Гара и иных «идеологов» в защиту политического либерализма и республиканского строя, объявил их опасными болтунами, поскольку они лишают людей столь необходимого им благодетельного самообмана: «Вы, идеологи, разрушаете все империи, а эра иллюзий является для людей эрой счастья»¹. Получилось ровно наоборот. Возникшая как «наука о порождении идей», способная объяснить основы социального порядка, – в истории идей это была «репетиция» создания социологии как теории общества – идеология вскоре сама стала навевать человечеству «сон золотой». Результат: уже без малого два столетия как цивилизованный мир превратился в одну большую страну Идеология. Поводырями в этой мегадержаве служат спецы в области производства общественных грёз.

Однако родовые отметины избыть не дано. Не потому ли идеология стремится выдать себя за возвышенный объект², каким в просвещённые времена является наука – божество секуляризированного сознания? Эта эскапада совершается с неизменным успехом. Почему? Не бином Ньютона: чего хочется, тому и верится. Научно-теоретическое знание здесь не исключение. Тем более – отечественная социальная наука, она по сию пору находится под действием прививки советского марксизма. Достаточно обратиться к энциклопедическим из-

¹ Цит. по: *Kennedy I.E. Philosopher in Age of Revolution: Destutt de Tracy and the Origins of Ideology.* – Philadelphia, 1998. – P. 189.

² См.: *Жижек С. Возвышенный объект идеологии.* – М., 1999.

даниям. Поелику идеология, «опирающаяся на объективное социальное знание, становится науч.»¹, то «любые социально-политические теории должны быть отнесены к идеологиям»²: они содержат в себе «не только знания политической жизни, но и отношения, оценку политических процессов из позиций интересов социального сообщества, политической партии – носителя этой идеологии. Благодаря этому И.п. (идеология политическая. – В.Б.) *более прогрессивна, чем политическая наука* (курсив наш. – В.Б.)»³.

Внимание: научно-справочные издания говорят не только о неизбежной идеологической/лингвистической зависимости учёного от современности – эту идею гуманитарная мысль в XX веке, от К. Мангейма до виновников «лингвистического поворота», буквально выстрадала. Нет же, в духе радикальных учений былых времён они размывают грань между методом науки и методом идеологии. Тем самым ничтоже сумняшеся норовят сдать последние флешки, которые удерживает социальная наука в боях с превосходящими силами идейно-ценностных формирований.

Но только ли родных палестин это касается? Ф. Анкерсмит объяснил своё новое понимание соотнесённости мифа и исторической науки: «Всякий раз, когда человечество или цивилизация вступает в новую стадию своей истории, появляется новое мифическое возвышенное, и его, словно холодное и окаменевшее сердце этой цивилизации, постоянно передают тем, кто будет жить на всех её последующих стадиях. И поскольку история Запада богаче любой другой истории новыми и революционными начинаниями, мы можем полагать, что западная цивилизация стала непревзойденным мастером по части изготовления мифов и хранит их в большем количестве, чем любая другая цивилизация. Поэтому не будем утешать себя «контрмифом», будто западная историография наконец-таки сумела избавиться от мифов: напротив, чем больше у нас истории, чем более успешной, «объективной» и научной она является, тем больше мифов в нашем распоряжении. Миф – это alter ego истории, он следует за ней, как тень, куда бы она ни пошла: как это ни парадоксально, миф – это наилучший критерий успеха истории»⁴.

Спору нет, в известном смысле миф – побочный продукт научной картины мира. Особенно позитивистской: широкое распространение среди культурных классов разного рода оккультных теорий является «прямым следствием сугубо материалистического взгляда на “духовные” сферы»⁵. Гуманитарное знание тоже отбрасывает тень в виде образов, что уже «погуляли» по площадям и переулкам мегаполисов, вобрав в себя предрассудки и ригористические суждения населяющих их нервных сограждан. И опять: какая версия историознания более всего подвержена мифологизации? Никак не социокультурная, к тому же подсвеченная психоаналитическими интерпретациями особенностей поведения «политических животных». Под рукой у мифотворчества находится как раз по-

¹ Энциклопедический социологический словарь / Общ. ред. акад. РАН Г.В. Осипова. – М., 1995. – С. 207.

² Мельник В.А. Современный словарь по политологии. – Минск, 2003. – С. 112.

³ Философский словарь / Под общ. ред. проф., докт. философ. наук А.П. Ярещенко. – Ростов н/Д., 2004. – С. 232.

⁴ Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. – М., 2007. – С. 500–501.

⁵ Осминская Н. Академики и обыватели // НГ-Ex Libris. – 2007. – 29 нояб.

ложительное мировидение. Для него нет ничего невозможного в «точном» объяснении характера и значения всех общественных взаимосвязей. Не захочешь, а будешь фантазировать насчёт роковых страстей как подосновы того или иного исторического действия.

Встаёт вопрос: не слишком ли мы преувеличиваем роль дисциплинарной историографии как пособия мифологии? Ответ: да, слишком. По степени воздействия на массовое сознание историческая наука явно уступает другим формам знания об истории, в первую очередь литературе, кино и телевидению – основным каналам идеологической индоктринации населения. Торжество мифа означает, что идейно-политические ценности вышли за пределы идеологического подтекста и превратились в тексты, (воспользуемся словарём творца теории научного характера пролетарской идеологии) «численно и идейно» подавляющие так называемое объективное знание. Последнее суть представление о смыслах исторического события, достигаемое на основе компромиссов и соглашений между производителями интеллектуального продукта.

Ситуация когнитивной конкуренции на разных уровнях, от репрезентации истории большими группами интересов до академических споров, позволяет удерживать статус критического разума как главного конструктора исторического прошлого. У него своя сверхзадача: сделать политические и интеллектуальные элиты обладателями внятного исторического сознания, способного в переломные моменты удерживать от опрометчивых шагов. Это вот и есть «наилучший критерий успеха истории».

Связанные с утверждением неклассического типа философствования идея релятивизации истины и тропологические теории историознания, благословившие роман филологии и истории, с одной стороны, и получившие распространение в русле движения деидеологизации представления об идеологии как лежащих в основе всей социальной практики воззрениях – с другой, сообщили импульс теоретическим поискам, нацеленным на преодоление дихотомии «наука – идеология». В рамках самой теории деидеологизации – согласно ей политическая мифология постепенно теряет своё общественное значение, а влияние науки как источника объективного знания о социуме, напротив, возрастает – совершить эту операцию не представлялось возможным: менялись лишь приоритеты между ценностным и рационально-теоретическими подходами, но сама проблема их соотношения оставалась неизменной.

Поэтому поборники деидеологизации пошли по пути замещения понятия «идеология» другими категориями. У этих поисков были свои образцы. М. Вебер употреблял выражение «символические организации»: выступая факторами «опосредования» в сфере общественного сознания, они позволяют структурировать – зачастую неявным образом, в коннотативной форме – восприятие и убеждения различных социальных групп. Другой классик от социологии, В. Парето, предпочитал говорить о «деривациях» в сознании масс. Продолжая эту традицию, Р. Барт акцентировал внимание на «мифе». Р. Арон ставил вопрос о «светской религии» и «опиуме интеллектуалов». М. Фуко ввёл концепт «дискурсивной формации». П. Бурдьё манипулировал вокабулами «докса» и «хабитус», соответственно – «сложившееся, устоявшееся мнение» и «установки сознания».

Сей ряд можно было бы продолжить, но незачем: понятие идеологии не удаётся ни элиминировать из научного сознания, ни свести его содержание к совокупности культурных регуляторов и норм. Сама общественная практика понуждает подходить к идеологии прежде всего как системе взглядов и представлений, отображающей интересы и идеалы субъектов политики. В политическом обществе – а всякое современное общество является политическим – она в большей или меньшей мере воздействует на результаты научных изысканий.

Этот традиционный подход продолжает доминировать в процессах исследования феномена советской исторической науки: «привычка жить при социализме так просто не проходит»¹. В последнее время ситуация начинает меняться. Об этом свидетельствует предпринятый под руководством методолога со своим голосом В.П. Корзун опыт реконструкции эволюции отечественного исторического знания в XX веке на основе соединения советского историографического канона с новациями интеллектуальной истории². Авторы «представляют советскую историографию как сложный и уникальный исторический феномен, многообразный и многоплановый, ускользающий от однозначной оценки. Советская историография – это сложный период творческих поисков, научных открытий и в то же время трансформация научной мысли под гнетом идеологического пресса, период обретения и потерь, настоящих подвигов и трагедий российских ученых»³. «Очерки» наводят оптику на те черты новейшей историографии, которые позволяют говорить о наметившихся подходах к переосмыслению концепции описания феномена исторической науки как проблемы «наука и власть»: «Принципиальным представляется вывод о том, что политика власти в создании образа новой науки находила определенный отклик и в научной исторической среде»⁴. Но эти новые подходы действительно только намечены. Поэтому вовсе не риторически звучит положение относительно современного уровня разработки вопроса: «Требуется своего дальнейшего исследования проблема трансформации образа советской исторической науки»⁵.

Следуя данному назиданию, автор хочет привлечь внимание к интегративной, интертекстуальной разработке сложносоставной системы, какую образуют идеология – продукт социально заинтересованного истолкования истории – и культурно-историческое сознание. Последнее выступает и результатом действия, и источником формирования идеологических конструктов. История науки не обижена парадоксами. Условием и следствием концепций деидеологизации явился дискурсивный анализ, нацеленный на изучение интеллектуальных процессов поверх межтекстуальных барьеров. В ситуации пост-«post-mo», отмеченной реидеологизацией, дискурс-анализ «вдруг» обрёл потенциал для изучения проблемы соотношения науки и идеологии, в том числе в ситуации засилья «идеологических аппаратов».

Идея интертекстуальности органически связана с теориями структуры. Структурализм – особенно в его «поздних» версиях – сосредоточил внимание

¹ *Гладилин А.* Жулики, добро пожаловать в Париж. – М., 2007. – С. 331.

² См.: *Очерки истории отечественной исторической науки XX века* / Под ред. В.П. Корзун. – Омск, 2005.

³ *Очерки истории отечественной исторической науки XX века...* – С. 10.

⁴ Там же. – С. 681.

⁵ Там же.

на бессознательном как сфере «внутреннего» опыта, обратившись к присущим сфере иррационального регулярным зависимостям и правилам. Тем самым структуралистские подходы вошли во взаимодействие с концептами ментальности – согласно им бытийствующее на стыках сознательного, неосознанного и бессознательного мироощущение может выступать в роли одной из доминирующих «структур» в организации духовной сферы¹. В свой черёд, методология интеллектуальной истории, как она сегодня складывается, широко использует ментальное измерение эволюции научной и культурной мысли.

Попробуем запустить – в пуско-наладочном режиме – эту теоретическую машинерию, обратившись к казусу Ивана Грозного в историческом знании. В отечественной историографии идейно-политические предпочтения исследователей, реализованные в исторической дискурсивности, их собственные психоментальные характеристики наглядно проявляются в оценке деяний русских автократов, и прежде всего их «духовника» – царя Ивана Васильевича. Анализируя процесс изучения эпохи Ивана IV с позиций взаимозависимости общественного сознания и состояния исторической науки, А.Л. Янов выявил периодически повторяющиеся (в XVIII, XIX и в XX веках) «приступы историографического кошмара» – всплески апологетики Грозного. Они провоцируются древней и мощной автократической традицией, идущей «как бы из-под земли, от самых корней национального сознания». При этом «диссиденты Иванианы» раз за разом оказывались бессильными: «что значит нравственное негодование и мартирологи жертв опричнины перед страшной мощью культурных стереотипов? Это было бы всё равно, что штурмовать неприступную крепость, вооружившись гусиными перьями»².

Данный вывод находит свой эквивалент в заключении, сформулированном на языке методологии истории: под натиском социальной заинтересованности в той или иной трактовке темы «бессильна любая научная логика и система доказательств»³. Это по общему правилу. Критический запал науки не может исчезнуть вовсе, для этого надо, чтобы исчезла сама наука. Для истолкования феномена «инакомыслия» в идеологизированной науке, его значения для очередных «воскрешений» критической функции науки необходимо выйти из круга представлений структурно-функционального анализа, обратившись к идеям «социального действия» и «контркультуры». Даже в период господства одной

¹ О критике теорий ментальности см.: *Бухараев В.М., Мягков Г.П.* По обе стороны от «средней позиции»: Что же дальше, историческое познание? // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации. Сб. статей / Под ред. Л.П. Репиной. – М., 2005. – С. 42–72.

² *Янов А.* Иваниана // Нева. – 1992. – № 5–6. – С. 288. См. также: *Янов А.* Тень Грозного царя: Загадки русской истории. – М., 1997 и др. Неоценимый вклад в изучение эпохи Ивана IV внёс А.А. Зимин. Его работу, относящуюся к середине 60-х годов, современники восприняли «как огромный шаг вперёд, прежде всего в освобождении мысли историка от идеологических догм» (см.: *Хорошкевич А.Л.* Александр Александрович Зимин и его книга «Опричнина Ивана Грозного» // Зимин А.А. Опричнина. – М., 2001. – С. 9). В «перестроечные» времена вопрос о целях и способах насаждения культа Грозного, деформациях оценки опричнины в условиях сталинизма впервые открыто прозвучал в публикациях В.Б. Кобрин (см.: *Кобрин В.Б.* 1) Посмертная судьба Ивана Грозного // Знание-сила. – 1987. – № 8; 2) Иван Грозный. – М., 1989 и др.).

³ *Смоленский Н.И.* Возможна ли общеисторическая теория? // Новая и новейшая история. – 1996. – №1. – С. 3.

идеологии имеет место плюрализм ценностей, а за фасадом монотеизма укрываются «тайные практики»¹.

Свои рассуждения о неспособности исторического знания преодолеть давний автократизм как родовую черту ментальности народа А.Л. Янов размещает в формате социополитических подходов. На основании их, в свою очередь, созданы теоретические построения, позволяющие использовать умение «мыслить социологически»², а также политический дискурс³ для ответа на вопрос: почему «учёные-историографы время от времени включали “автократические фильтры”, реабилитируя, обеляя Ивана IV перед национальным общественным мнением»⁴?

В работе Э. Ноэль-Нойман влияние общественного политического сознания находит обоснование в теории общественного мнения как социального контроля. Она концентрирует внимание на поддержании достаточного уровня согласия внутри общества относительно ценностей и целей сообщества. «Источник этой силы – угроза изоляции, которой общество подвергает отклоняющегося индивида или непослушное правительство, а также страх перед изоляцией, который обусловлен социальной природой человека»⁵.

Можно мыслить «реабилитацию» Ивана IV в отечественной историографии даже «вегетарианских» времён в качестве её конформистской реакции на «скрытую функцию общественного мнения»⁶. В нём имплицитно присутствуют элементы ценностной интерпретации истории в виде фактов сознания, предрасудков, мифов и фетишей, детерминированных интересами и убеждениями людей и вследствие этого имеющих конфликтный и корыстный характер⁷, – в общем, всего того, что связано с экономикой ментальных форм.

Опыт истолкования автоматизмов и привычек сознания в политическом дискурсе российского общества предпринят коллективом авторов, замысливших свести воедино достижения основных школ и направлений в социологии политики и результаты кросскультурного анализа российской и американской политической жизни⁸. Отталкиваясь от «фрейдистско-лебоновской методологии коллективного сознательного и бессознательного»⁹, учёные подводят психоаналитическое обоснование под объяснение феномена присущей массам амби-

¹ Автором была предпринята попытка концептуализации проблемы контркультурных практик в историческом познании (см.: Бухараев В.М., Жигунин В.Д. «Замещенное» познание: историческая мысль против моноидеологии (60–80-е годы XX в.) // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. – М., 1996. – С. 552–563).

² См.: Бауман З. Мыслить социологически – М., 1996.

³ Развитие понятия «полития» в новой европейской традиции включает сегодня «смысловую и логическую организацию политического процесса для развёртывания политической системы, т.е. то, что в последние годы стало принято именовать *политическим дискурсом*» (см.: Ильин М. Полития // Семиотика: Антология. – Москва; Екатеринбург, 2001. – С. 623).

⁴ Фирсов Б. Вступительная заметка // Янов А. Иваниана... – С. 284.

⁵ Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания – М., 1996. – С. 325.

⁶ Там же. – С. 330.

⁷ См.: Деникен Ж.-П. Политическая наука. – М., 1993. – С. 34.

⁸ См.: Ашин Г.К., Кравченко С.А., Лозанский Э.Д. Социология политики: Сравнительный анализ российских и американских политических реалий. – М., 2001.

⁹ Можно полагать, что в теоретических построениях З. Фрейда и Г. Лебона имплицитно содержится идея коллективного бессознательного (коллективного подсознания), но в социологии и психологии она однозначно связывается с творчеством К. Юнга (см.: Фримен Дж. Введение // Человек и его символы. – СПб., 1996. – С. 7–14; Энциклопедический словарь. – М., 1995. – С. 922 и др.). По всей видимости, авторы ориентируются на постановки вопроса, содержащиеся в книге французского исследователя Д. Кола. Рассматривая проблему «масс и организаций» во фрейдистской традиции, он ограничивается как раз концепциями Фрейда и Лебона (См.: Кола Д. Политическая социология. – М., 2001. – С. 183–185).

валентности идентификации: «неземная» любовь к «спасителю Отечества», жертвенная преданность «верному» политическому курсу по мере накопления в бессознательном вытесняемого социального негатива легко переходила в бичевание низвергнутых вождей и требование нового, «настоящего» героя¹. Пусть хотя бы так. Важно уже, что видение этой проблемы обретает новые краски.

Картина станет ещё выразительнее, если привлечь аргументы политических штудий, социологии права, социолингвистики, объясняющих (каждая – со своей стороны), почему общественное сознание не может выйти за пределы патерналистско-этакратического модуса восприятия, вцепившись мёртвой хваткой в историознание. При всех социальных сдвигах «российское цивилизационное пространство не меняется в одном решающем качестве: при любых режимах оно остаётся пространством воспроизводства неограниченной власти»². Практика созидания государства, основанного на всемерном контроле над всеми сферами жизни, достигла особого размаха в советский период. Поэтому у «социалистического права» отсутствовало минимально необходимое качество права, представленное в правовом принципе формального равенства и свободы индивидов. Это право являло собой лишь вербальные идеологические кентавры, слова-метафоры, за которыми скрывалась «политическая юстиция» – неправо-вые и негосударственные властные институты и приказные нормы монопольного политического правления коммунистической партии³. Поэтому «наркомвнудельческая» методология активного действия являлась куда как весомым аргументом, силу которого учёные не раз испытывали на своих работах. И на себе самих тоже.

Легистская теория права и репрессивная государственная идеология – средства из одного арсенала: «Роль и функции, которые в обосновании русской государственности выполняло православие, перешли к марксизму-ленинизму, ставшему единственной и безраздельно господствующей государственной идеологией»⁴, что оказало решающее воздействие на характер политической культуры. В свою очередь, она артикулируется посредством знаковых систем («языков»), устойчивое ядро которых само входит органической частью в эту культуру. Первая и главная из таких систем – национально-политический язык, этот естественный код культуры.

В демократических обществах существует несколько политических языков, отличающихся друг от друга по терминологии, стилистике, эмоциональной окраске и иным параметрам. Иное – в советском обществе. Все его граждане «говорили на едином политическом языке, являвшем собой образец *идеологизированности* не только в том смысле, что он был перенасыщен понятиями, заимствованными из марксистско-ленинско-сталинского лексикона, но и в том пла-

¹ Ашин Г.К., Кравченко С.А., Лозанский Э.Д. Социология политики... – С. 128.

² Панарин А.С. Политология. – М., 1997. – С. 319; см. также: Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегия и инициатива в XXI веке. – М., 1998; Фельдман Д.М. Политология конфликта. – М., 1999; Качанов Ю.Л. Производство политического поля в современной России // СОЦИС. – 1997. – № 11; Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования). – М., 1999.

³ См.: Гревцов Ю.И. Очерки теории и социологии права. – СПб., 1996; Нерсесянц В.С. Философия права. – М., 2000; Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. – М., 2000; Лапаева В.В. Социология права. – М., 2000.

⁴ Политология / Под ред. В.Д. Первалова. – М., 2002. – С. 198.

не, что реальная политическая жизнь интерпретировалась исключительно в духе официальной идеологии, а политические процессы и явления описывались в идеологических категориях»¹. Добавим: одним из контрапунктов идеологии «второго» большевизма – высшей, но не последней стадии социализма ленинского извода – являлся «водержавленный» образ Ивана Грозного и его главного дела – «антикрамольной» опричной политики.

Перед нами контуры синтезированной – исторической, социологической, политико-правовой, социолингвистической, психоаналитической – концептуалистики, точнее, её когерентные фрагменты, которые создают предпосылки для конструирования интердискурсивной критики идеологии. Поскольку дискурсы предъявляют смыслы, исключая все другие потенциалы значения, при определении одной и той же области действительности они *volens nolens* вступают в отношения антагонизма. Представляется, что это противоречие надлежит разрешать посредством «гегемонии» исторической науки. А какого ещё вывода можно ожидать от историка? Нет, в самом деле, история обладает одним свойством – историческим подходом, «прорицанием о прошлом». По «техническим причинам» оно отсутствует во всех других отраслях знания об обществе, реализующих модельно-типологические модусы исследования. Поэтому история, взятая в своей «интеллектуальной» версии, способна внести решающий вклад в процесс выявления «само собой разумеющихся» представлений о действительности – в этой форме идеология и присутствует на поле научных изысканий. Сверх того, именно истории по силам поддерживать критический градус в ходе продуцирования знаний, оставляя открытыми возможности переописания эмпирического материала. Отсутствие у историографии собственного профессионального языка тоже говорит в пользу её роли «вожатого» в деле формирования «метаязыка» сопротивления идеологической трансгрессии.

В формате методологии исторического и социального познания можно говорить о сопряжении подходов философии критического рационализма с приёмами дискурс-аналитических версий социального конструкционизма и процедурами интеллектуальной истории, сама множественность смыслов которой дарит исследователю ту самую свободу творчества, какой «в высокой степени были наделены герои и персонажи интеллектуальной истории на протяжении тысячелетий существования и развития интеллекта»².

Ф. Анкерсмит времён своей бесподобной «Нарративной логики» полагал, что «наилучшим историческим повествованием является то, в котором предполагаемое понимание целого выражено наиболее четко. Но вместе с тем это также наиболее рискованное и смелое повествование»³. Так что смелее, коллеги, в своём стремлении к целокупности. Лучшая оборона – это нападение. Особенно когда речь идёт о коллизии между гуманитарным знанием и идеологией. Уже пора. Если не поздно.

¹ Баталов Э.Я. Советская политическая культура (к исследованию распадающейся парадигмы) // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. – М., 2000. – С. 306.

² Лаптева М.П. Интеллектуальная история и её смыслы // Мир Клио. Сб. ст. в честь Лорины Петровны Репиной. – Т. 1. – М., 2007. – С. 241.

³ Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. – М., 2003. – С. 11.

Summary

V.M. Bukharaev. “Illusion Era” in the View of Scientific Logic: the Carambole of Ivan the Terrible in Historical Conscience.

The article states the idea of integrating intellectual history register, methods of social constructionism discourse-analytical versions, and approaches of the philosophy of critical rationalism. The aim is to trace ideology in scientific research. This implies synthesizing historical (main element), sociological, political, legal, sociolinguistic and psychoanalytic elements into a single concept. This allows critical evaluation of knowledge, and re-description of empirical material (if necessary). The case of Ivan the Terrible is taken as a pattern of inter-discourse ideology criticism.

Поступила в редакцию
18.09.07

Бухараев Владимир Миннегович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории Казанского государственного университета.

E-mail: *Sovetnik101@yandex.ru*